

**ГАНС
ХРИСТИАН
АНДЕРСЕН**

ИСТОРИЯ ГОДА

Ганс Андерсен

История года

«Public Domain»

1852

Андерсен Г. Х.

История года / Г. Х. Андерсен — «Public Domain», 1852

«Дело было в конце января; бушевала страшная метель; снежные вихри носились по улицам и переулкам; снег залеплял окна домов, валился с крыш целыми комьями, а ветер так и подгонял прохожих. Они бежали, летели стремглав, пока не попадали друг другу в объятия и не останавливались на минуту, крепко держась один за другого...»

© Андерсен Г. Х., 1852

© Public Domain, 1852

Содержание

Ганс Христиан Андерсен

История года

Дело было в конце января; бушевала страшная метель; снежные вихри носились по улицам и переулкам; снег залеплял окна домов, валился с крыш целыми комьями, а ветер так и подгонял прохожих. Они бежали, летели стремглав, пока не попадали друг другу в объятия и не останавливались на минуту, крепко держась один за другого. Экипажи и лошади были точно напудрены; лакеи стояли на запятках¹ спиной к экипажам и к ветру, а пешеходы старались держаться за ветром под прикрытием карет, двигавшихся по глубокому снегу шагом. Когда же, наконец, метель утихла и вдоль тротуаров прочистили узенькие дорожки, прохожие беспрестанно сталкивались и останавливались друг перед другом в выжидательных позах: никому не хотелось первому шагнуть в снежный сугроб, уступая дорогу другому. Но вот, словно по безмолвному, внутреннему соглашению, каждый жертвовал одною ногой, опуская её в снег.

К вечеру погода совсем стихла; небо стало таким ясным, чистым, точно его вымели, и казалось даже как-то выше и прозрачнее, а звёздочки, словно вычищенные заново, сияли и искрились голубоватыми огоньками. Мороз так и трещал, и к утру верхний слой снега настолько окреп, что воробьи прыгали по нему, не проваливаясь. Они шмыгали из сугроба в сугроб, прыгали и по прочищенным тропинкам, но ни тут, ни там не попадалось ничего съедобного. Воробышки порядком иззябли.

– Пип! – говорили они между собою. – И это Новый Год!? Да он хуже старого! Не стоило и менять! Нет, мы недовольны, – и не без причины!

– А люди-то, люди-то, что шуму наделали, встречая Новый Год! – сказал маленький иззябший воробышек. – И стреляли, и глиняные горшки о двери разбивали, ну, словом, себя не помнили от радости – и всё оттого, что старому году пришёл конец! Я было тоже радовался, думал, что вот теперь наступит тепло – не тут-то было! Морозит ещё пуще прежнего! Люди, видно, сбились с толку и перепутали времена года!

– И впрямь! – подхватил третий, старый воробей с седым хохолком. – У них, ведь, имеется такая штука – собственного их изобретения – календарь, как они зовут её, и вот, они воображают, что всё на свете должно идти по этому календарю! Как бы не так! Вот придёт весна, тогда и наступит Новый Год, а никак не раньше, так уж раз навсегда заведено в природе, и я придерживаюсь этого счисления.

– А когда же придёт весна? – спросили другие воробьи.

– Она придёт, когда прилетит первый аист. Но он не особенно-то аккуратен, и трудно рассчитать заранее, когда именно он прилетит! Впрочем, уж если вообще разузнавать об этом, то не здесь, в городе, – тут никто ничего не знает толком – а в деревне! Полетим-ка туда дожидаться весны! Туда она всё-таки скорее придёт!

– Всё это прекрасно! – сказала воробьяха, которая давно вертелась тут же и чирикала, не говоря настоящего слова. – Одно вот только: здесь, в городе, я уже имею некоторые удобства, а найду ли я их в деревне – не знаю! Тут есть одна человечья семья; ей пришла разумная мысль – прибить к стене три-четыре пустых горшка из-под цветов. Верхними краями они плотно прилегают к стене, дно же обращено наружу, и в нём есть маленькое отверстие, через которое я свободно влетаю и вылетаю. Там-то мы с мужем и устроили себе гнездо, оттуда повывлетели и все наши птенчики. Понятное дело, люди устроили всё это для собственного удовольствия, чтобы полюбоваться нами; иначе бы они и пальцем не шевельнули! Они бросают нам хлебные крошки, – тоже ради своего удовольствия – ну, а нам-то всё-таки корм! Таким образом, мы

¹ *Запятки* – место для слуги, лакея позади экипажа.

здесь до некоторой степени обеспечены, и я думаю, что мы с мужем останемся здесь! Мы тоже очень недовольны, во всё-таки останемся.

– А мы полетим в деревню – поглядеть, не идёт ли весна! – сказали другие и улетели.

В деревне стояла настоящая зима, и было, пожалуй, ещё холоднее, чем в городе. Резкий ветер носился над снежными полянами. Крестьянин в больших, тёплых рукавицах ехал на санях, похлопывая руки одна о другую, чтобы выколотить из них мороз; кнут лежал у него на коленях, но исхудалые лошади бежали рысью; пар так и валил от них. Снег хрустел под полозьями, а воробьи прыгали по санным колеям и мёрзли.

– Пип! Когда же придёт весна? Зима тянется что-то уж больно долго!

– Больно долго! – послышалось с высокого холма, занесённого снегом, и эхом прокатилось по полям. Может статься, это и было только эхо, а может быть и голос диковинного старика, сидевшего на холме на куче снега. Старик был бел, как лунь, с белыми волосами и бородою, и одет во что-то вроде белого крестьянского тулупа. На бледном лице его так и горели большие, светлые глаза.

– Что это за старик? – спросили воробьи.

– Я знаю его! – сказал старый ворон, сидевший на плетне; он снисходительно сознавал, что «все мы – мелкие птички перед Творцом», и потому благосклонно взялся разъяснить воробьям их недоумение. – Я знаю, кто он. Это – Зима, старый прошлогодний повелитель. Он вовсе не умер ещё, как говорит календарь и назначен регентом до появления молодого принца, Весны. Да, Зима ещё правит у нас царством! У! Что, дрогнете, небось, малыши?

– Ну, не говорил ли я, – сказал самый маленький воробышек: – что календарь – пустая человечья выдумка! Он совсем не приноровлен к природе. Да и разве у людей есть какое-нибудь чутьё? Уж предоставили бы они распределять времена года нам, – мы по-тоньше, почувствительнее их созданы!

Прошла неделя, другая. Лес уже почернел, лёд на озере стал походить на застывший свинец, облака... нет, какие там облака? – сплошной туман окутал всю землю. Большие чёрные воробьи летали стаями, но молча; всё в природе словно погрузилось в тяжёлый сон. Но вот, по озеру скользнул солнечный луч, и лёд заблестел, как расплавленное олово. Снежный покров на полях и на холмах уже потерял свой блеск, но белая фигура старика-Зимы сидела ещё на прежнем месте, устремив взор к югу. Он и не замечал, что снежная пелена словно всё уходила в землю, что там и сям проглянули клочки зелёного дёрна, на которых толклись кучи воробьёв.

– Кви-вит! Кви-вит! Уж не весна ли?

– Весна! – прокатилось эхом над полями и лугами, пробежало по тёмно-бурым лесам, где стволы старых деревьев оделись уже свежим, зелёным мхом. И вот, с юга показалась первая пара аистов. У каждого на спине сидело по прелестному ребёнку; у одного – мальчик, у другого – девочка. Ступив на землю, дети поцеловали её и пошли рука об руку, а по следам их расцветали прямо из-под снега белые цветочки. Дети подошли к старику-Зиме и прильнули к его груди. В то же мгновение все трое, а с ними и вся местность, исчезли в облаке густого, влажного тумана. Немного погодя, подул ветер и разом разогнал туман; просияло солнышко – Зима исчезла, и на троне природы сидели прелестные дети Весны.

– Вот это так Новый Год! – сказали воробьи. – Теперь, надо полагать, нас вознаградят за все зимние невзгоды!

Куда ни оборачивались дети – всюду кусты и деревья покрывались зелёными почками, трава росла всё выше и выше, хлебá зеленели ярче. Девочка так и сыпала на землю цветами; у неё в переднике было такое изобилие цветов, что как она ни торопилась разбрасывать их, передник всё был полнёхонек. В порыве резвости, девочка брызнула на яблони и персиковые деревья настоящим цветочным дождём, и – деревца стояли в полном цвету, даже не успев ещё, как следует, одеться зелению.

Девочка захлопала в ладоши, хлопнул и мальчик, и вот, откуда ни возьмись, налетели, с пеньем и щебетаньем, стаи птичек: «Весна пришла!»

Любо было посмотреть кругом! То из одной, то из другой избушки выползали за порог старые бабушки, поразмять на солнышке свои косточки и полюбоваться на жёлтые цветочки, золотившие луг, точь-в-точь как и в дни далёкой юности старушек. Да, мир вновь помолодел, и они говорили: «Что за благодатный денёк сегодня!»

Но лес всё ещё смотрел буро-зелёным, на деревьях не было ещё листьев, а одни почки; зато на лесных полянах благоухал уже молоденький дикий ясмин, цвели фиалки, анемоны и скороспелки. Все былинки налились живительным соком; по земле раскинулся пышный, зелёный травяной ковёр, и на нём сидела молодая парочка, держась за руки. Дети Весны пели, улыбались и всё росли, да росли.

Тёплый дождичек накрапывал на них с неба, но они и не замечали его: дождевые капли смешивались со слезами радости жениха и невесты. Юная парочка поцеловалась, и в ту же минуту лес оделся зеленью. Встало солнышко – все деревья стояли в роскошном лиственном уборе.

Рука об руку двинулись жених с невестой под этот свежий густой навес, где зелень отливала, благодаря игре света и теней, тысячами различных тонов. Девственно-чистая, нежная листва распространяла живительный аромат, звонко и жизнерадостно журчали ручейки и речки, пробираясь между бархатисто-зелёною осокой и пёстрыми камушками. «Так было, есть и будет, вовеки веков!» говорила вся природа. Чу! раздалось протяжное кукование кукушки, зазвенела песня жаворонка! Весна была в полном разгаре; только ивы всё ещё не снимали со своих цветочков пуховых рукавичек; такие уж они осторожные, – просто скучно!

Дни шли за днями, недели за неделями, землю так и обдавало теплом; волны горячего воздуха проникали в хлебные колосья, и они стали желтеть. Белый лотос Севера раскинул по зеркальной глади лесных озёр свои широкие зелёные листья, и рыбки прятались под их тенью. На солнечной стороне леса, за ветром, возле облитой солнцем стены крестьянского домика, где пышно расцветали под жгучими ласками солнечных лучей роскошные розы и росли вишнёвые деревья, осыпанные сочными, чёрными, горячими ягодами, сидела прекрасная жена Лета, которую мы видели сначала девочкой, а потом невестой. Она смотрела на тёмные облака, гроздившиеся друг на друга высокими, чёрно-синими, угрюмыми горами; они надвигались с трёх сторон и, наконец, нависли над лесом, как окаменелое, опрокинутое вверх дном море. В лесу всё затихло, словно по мановению волшебного жезла; прилегли ветерки, замолкли пташки, вся природа замерла в торжественном ожидании, а по дороге и по тропинкам неслись, сломя голову, люди в телегах, верхом и пешком, – все спешили укрыться от грозы. Вдруг блеснул ослепительный луч света, словно солнце на миг прорвало тучи, затем вновь воцарилась тьма, и прокатился глухой раскат грома. Вода хлынула с неба потоками. Тьма и свет, тишина и громовые раскаты сменяли друг друга. По молодому тростнику, с коричневыми султанами на головках, так и ходили от ветра волны за волнами; ветви деревьев совсем скрывались за частую дождевою сеткою; свет и тьма, тишина и громовые удары чередовались ежеминутно. Трава и колосья лежали пластом; казалось, они уже никогда не в силах будут подняться. Но вот ливень перешёл в крупные, редкие капли, выглянуло солнышко, и на былинках и листьях засверкали крупные перлы;² запели птички, заплескались в воде рыбки, заплясали комары. На камне, что высывался у самого берега из солёной морской пены, сидело и грелось на солнышке Лето, могучий, крепкий, мускулистый муж. С кудрей его стекали целые потоки воды, и он смотрел таким освежённым, словно помолодевшим после холодного купанья. Помолодела, освежилась и вся природа, растительность развернулась с небывалою пышностью, силой и красотой! Стояло лето, тёплое, благодатное лето!

---

² Перл – устар. жемчужное зерно, жемчужина.

От густо взошедшего на поле клевера струился сладкий живительный аромат. Над кругом из камней, посреди которого лежал древний жертвенный камень, носились с жужжанием пчёлы. Жертвенный камень, омытый дождём, ярко блестел на солнце; цепкие побеги ежевики одели его густою бахромой. К нему подлетела царица пчёл со своим роем; они возложили на жертвенник плоды от трудов своих – воск и мёд. Никто не видал жертвоприношения, кроме самого Лета и его полной жизненных сил подруги; для них-то и были уготованы жертвенные дары природы.

Вечернее небо сияло золотом; никакой церковный купол не мог сравниться с ним; от самой вечерней и вплоть до утренней зари сиял месяц. На дворе стояло лето.

И дни шли за днями, недели за неделями. На полях засверкали блестящие косы и серпы, ветви яблонь согнулись под тяжестью красных и золотистых плодов. Душистый хмель висел крупными кистями. В тени орешника, осыпанного орехами, сидевшими в зелёных гнёздышках, отдыхали муж с женою – Лето с своею серьёзною, задумчивою подругою.

– Что за роскошь! – сказала она. – Что за благодать, куда ни поглядишь! Как хорошо, как уютно на земле, и всё-таки – сама не знаю почему – я жажду... покоя, отдыха... Других слов подобрать не могу! А люди уж снова вспахивают поля! Они вечно стремятся добыть себе больше и больше!.. Вон аисты ходят по бороздам вслед за плугом... Это они принесли нас сюда! Помнишь, как мы прибыли сюда, на север, детьми?.. Мы принесли с собою цветы, солнечный свет и зелёную листву! А теперь... ветер почти всю её оборвал, деревья побурели, потемнели и стали похожи на деревья юга; только нет на них золотых плодов, какие растут там!

– Тебе хочется видеть золотые плоды? – сказала Лето. – Любишься! – Он махнул рукою – и леса запестрели красноватыми и золотистыми листьями. Вот было великолепие! На кустах шиповника засияли огненно-красные плоды, ветви бузины покрылись крупными тёмно-красными ягодами, спелые дикие каштаны сами выпадали из тёмно-зелёных гнёзд, а в лесу вторично зацвели фиалки.

Но царица года становилась всё молчаливее и бледнее.

– Повеяло холодом! – говорила она. – По ночам встают сырые туманы. Я тоскую по нашей родине!

И она смотрела вслед улетающим на юг аистам и протягивала к ним руки. Потом она заглянула в их опустевшие гнёзда; в одном вырос стройный василёк, в другом – жёлтое репное семя, словно гнёзда только для того и были свиты, чтобы служить им оградой! Залетели туда и воробы.

– Пип! А куда же девались хозяева? Ишь, подуло на них ветерком – они и прочь сейчас! Скатертью дорога!

Листья на деревьях всё желтели и желтели, начался листопад, зашумели осенние ветры – настала поздняя осень. Царица года лежала на земле, усыпанной пожелтевшими листьями; кроткий взор её был устремлён на сияющие звёзды небесные; рядом с нею стоял её муж. Вдруг поднялся вихрь и закрутил сухие листья столбом. Когда вихрь утих – царицы года уже не было; в холодном воздухе кружилась только бабочка, последняя в этом году.

Землю окутали густые туманы, подули холодные ветры, потянулись долгие, тёмные ночи. Царь года стоял с побелённою сединою головой; но сам он не знал, что поседел, – он думал, что кудри его только запушило снегом! Зелёные поля покрылись тонкою снежною пеленой.

И вот, колокола возвестили наступление сочельника.

– Рождественский звон! – сказал царь года. – Скоро народится новая царственная чета, а я обрету покой, унесусь вслед за нею на сияющие звёзды!

В свежем, зелёном сосновом лесу, занесённом снегом, появился Рождественский ангел и освятил молодые деревца, предназначенные служить символом праздника.

– Радость в жилищах людей и в зелёном лесу! – сказал престарелый царь года; в несколько недель он превратился в белого, как лунь, старика. – Приближается час моего отдыха! Корона и скипетр переходят к юной чете.

– И всё же власть пока в твоих руках! – сказал ангел. – Власть, но не покой! Укрой снежным покровом молодые ростки! Перенеси терпеливо торжественное провозглашение нового повелителя, хотя власть ещё и в твоих руках! Терпеливо перенеси забвение, хотя ты и жив ещё! Час твоего успокоения придёт, когда настанет весна!

– Когда же настанет весна? – спросила Зима.

– Когда прилетят с юга аисты!

И вот, седоволосая, седобородая, обледеневшая, старая, согбенная, но всё ещё сильная и могущественная, как снежные бури и метели, сидела Зима на высоком холме, на куче снега, и не сводила глаз с юга, как прошлогодняя Зима. Лёд трещал, снег скрипел, конькобежцы стрелой скользили по блестящему льду озёр, воробы и вёроны чернели на белом фоне; не было ни малейшего ветерка. Среди этой тишины Зима сжала кулаки, и – толстый лёд сковал все проливы.

Из города опять прилетели воробы и спросили:

– Что это за старик там?

На плетне опять сидел тот же ворон или сын его – всё едино – и отвечал им:

– Это Зима! Прошлогодний повелитель! Он не умер ещё, как говорит календарь, а состоит регентом до прихода молодого принца – Весны!

– Когда же придёт Весна? – спросили воробы. – Может быть, у нас настанут лучшие времена, как переменится начальство! Старое никуда не годится!

А Зима задумчиво кивала голому чёрному лесу, где так ясно, отчётливо вырисовывались каждая веточка, каждый кустик. И землю окутали облака холодных туманов; природа погрузилась в зимнюю спячку. Повелитель года грезил о днях своей юности и возмужалости, и к утру все леса оделись сверкающею бахромой из инея, – это был летний сон Зимы; взошло солнышко, и бахрома осыпалась.

– Когда же придёт Весна? – опять спросили воробы.

– Весна! – раздалось эхом со снежного холма.

И вот, солнышко стало пригревать всё теплее и теплее, снег стаял, птички защибетали: «Весна идёт»!

Высоко-высоко по поднебесью нёсся первый аист, за ним другой; у каждого на спине сидело по прелестному ребёнку. Дети ступили на поля, поцеловали землю, поцеловали и безмолвного старика – Зиму, и он исчез в тумане.

История года кончена.

– Всё это прекрасно и совершенно верно, – заметили воробы: – но не по календарю, а потому никуда не годится!